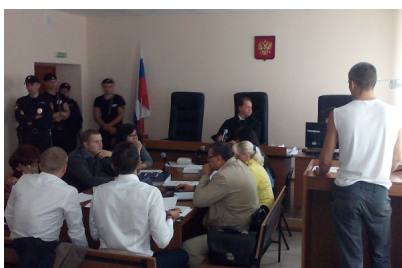

Продолжает трещать по швам, не выдерживая здоровой критики, резонансный судебный процесс по делу группы спортсменов, которые, как они утверждают, пресекали в Омске незаконный оборот наркотиков

В Советском районном суде г.Омска продолжается слушание дела по обвинению пяти молодых омичей в уголовно наказуемых деяниях, предусмотренных статьями 111, 158, 161, 163, 222, 228, 325 УК РФ. Сначала в правоохранительной среде, а затем и в неофициальном порядке громкое и скандальное во всех смыслах разбирательство называют не иначе как «делом ОПГ Зазы Саджая». Не исключено, что с умыслом. Ведь по утверждению самих подсудимых и их многочисленных родственников, парни взяли на себя опасную миссию борьбы с распространителями наркотиков, которые буквально наводнили мегаполис, окрестности и даже глубинку Омской области.

Предельно кратко

После двухмесячного опроса «главного потерпевшего» - наркомана Владимира Дюкова к судебной трибуне был вызван для дачи показаний его родной племянник Григорий Борисов. Далеко не старый, но почти седой мужчина поведал о своих жизненных перипетиях со своим «дядей Дюковым», случившихся пару лет назад.

Началось, со слов свидетеля, все с того, что ему на трубку позвонил общий знакомый и попросил выйти во двор, где его уже ожидал родственник. Выйдя во двор, Борисов увидел три автомобиля, большую группу людей и своего дядю. Тот попросил его

съездить с ним в ломбард и сдать автомобиль, который был по документам оформлен на племянника:

- При покупке «Хонды» я занял Дюкову сто тысяч рублей. Для того, чтобы он наверняка отдал эти деньги, мы договорились на время оформить авто на меня, - так свидетель пояснил суду свое «формальное» отношение и к машине, и к тому «случаю».

Поехали сначала на Левый берег в квартиру Дюкова, так как он якобы забыл документы на машину. Но они в итоге оказались у него в сумке, при себе. Потом - в ломбард. Там вдвоем поднялись в контору, оформили бумаги, получили деньги. Борисов их пересчитал "дрожащими руками". Куда делись наличные 200 тысяч дальше, он не помнит. После загадочного исчезновения средств он, по просьбе Дюкова, покинул ломбард и каким-то образом добрался до дома. Вот краткий экскурс в показания свидетеля. Схематизм – налицо. В процессуальном плане участие Борисова – единственное подтверждение правдивости показаний наркомана Дюкова. В обвинительном заключении – это еще один «потерпевший». Возможно, "для веса".

«На ваших глазах

брюки превращаются...»

Честно говоря, то, что произошло под концовку допроса свидетеля со стороны гособвинения, я бы поместил в какое-нибудь учебное пособие. Вот только не могу определиться под каким «соусом»: или с пометкой «так делать нельзя!» или с указанием – «учитесь, как надо!». Настолько неисповедимы сегодня пути реформы нашего Правосудия.

В анналы местного, а возможно и отечественного УПК буквально давно и настойчиво напрашивается омский прокурор Ольга Сухомлинова. В своеобразной манере гособвинитель в течение каких-то пяти минут сумела превратить ничего не подозревающего и не помышляющего о том рядового гражданина в... «потерпевшего»! Лично я при этом «процессуальном фокусе» не присутствовал, потому привожу дословную цитату «перевоплощения» с аудионосителя:

«Прокурор Ольга Сухомлинова: - Вы сами давали показания, Вас никто не принуждал, не запугивал, не поправлял?

Свидетель Григорий Борисов: - Нет.

Пр-р: - А когда Вы лучше помнили обстоятельства: сейчас или раньше.

Св-ль: - Тогда лучше помнил.

Пр-р: - Вы у нас являетесь потерпевшим, по крайней мере, Вас признали потерпевшим. Вы считаете себя потерпевшим?

Пауза

Св-ль: - ...В смысле, что мне то-то сделали и...

Пр-р: - Нет, Вы сказали, что в отношении Вас, как я поняла, никакого насилия не применялось...

Св-ль: - Да.

Пр-р: - Я Вам задала вопрос: Вы являетесь потерпевшим по делу? (молчание)... Писали заявление?

Следствие и прокуратура «придумали» потерпевшего в громком уголовном деле?!

Автор: Administrator
22.07.2015 20:15

Св-ль: - Да, писал.

Пр-р: - Вы в связи с чем писали заявление, в связи с чем потерпевшим являетесь?

Св-ль: - Ну, машину оформили на мою фамилию, как бы получается документально, что я ее хозяин... Как-то так вот...

Пр-р: - Ну, а то, что Вы денежные средства вкладывали свои...

Св-ль: - Да, вкладывал...

Пр-р: - В этой части Вы считаете себя потерпевшим?

Св-ль: - Ну, тут я даже не знаю как. Деньги-то он (Дюков – автор) мне должен, то есть я же ему деньги дал...

Пр-р: - То есть, Вы считаете себя потерпевшим, правильно я Вас поняла, потому, что являетесь собственником автомобиля?!

Св-ль: - Но ведь при каких обстоятельствах он (Дюков – автор) что-то там натворил, что-то сделал что так все получилось, я же ведь это не знаю... Да у меня и интереса нет такого, чтобы все это узнавать.

Пр-р: - То есть, в связи с тем, что автомобиль отсутствует, а Вы его хозяин по документам. Так?

Св-ль: - Да.

Пр-р: - Какие-либо требования материального характера у Вас имеются к подсудимым?

Св-ль: - Нет.

Пр-р: - Хыыы (неразборчиво)...».

Если убрать из «диалога» реплики Борисова, то получится, что прокурор беседует сама с собой и выдает за ответы гражданина свои собственные слова и предположения. Главное, что свидетель почти и не мешает...

Тут – помню, здесь – не помню!

А вот адвокаты обвиняемых слушали свидетеля Борисова очень внимательно, обнаружив массу нестыковок, а, возможно, и противоречий. В том числе и с «фантастическими», на мой взгляд, показаниями главного "потерпевшего" Владимира Дюкова.

Адвокат Оксана Кобец через вопросы (единственно возможную процессуальную форму общения со свидетелем) постаралась выяснить, почему одни события, произошедшие в тот день, он помнит буквально фотографически, а другие или смутно, или вообще никак. Гражданин Борисов попытался списать это на то, что «событие стало для меня полной неожиданностью», своеобразным стрессом: буквально, с корабля («со стола с чаем») – на бал («в ломбард»).

- Так, вот поэтому Вы и должны были или помнить одинаково хорошо все или одинаково плохо, - взяла на себя смелость подытожить адвокат. – Не странно ли, как стояли машины, в чем одет тот же Задворнов или Дюков, Вы помните, а другие важные подробности – нет.

Судья Гужинев попытался пресечь эмоциональный напор адвоката, философски подметив, что «отрицательный результат в ответах – тоже результат».

Не исключено, что адвокат умышленно спровоцировала небольшую словесную перепалку, подготавливая следующий свой вопрос:

« - Сколько раз Вы участвовали в опознании подсудимых?

- Один раз.

- Кого Вы опознали?

- Саджаева...

- И всё?!

- Да!».

«Битый» не битого везет

Адвокат Павел Егоров, представляющий интересы подсудимого К.Григорьева, сосредоточился на предполагаемых повреждениях гр. Дюкова и на судьбе автомобиля «Хонда», который то закладывался, то выкупался дядей и племянником.

Вышло забавно. Визуальных повреждений на своем дяде свидетель в тот день не видел. Было светло. Обзор хороший. Ехали в одном авто. Хотя, по версии самого Дюкова, его именно часом ранее «пытали», «топили», «душили» и «избивали», «нанеся в общей сложности 52 (пятьдесят два удара!!!)», многие – «в голову».

Единственное, что заметил племянник, были небольшие пятна крови на джинсах родственника. Впрочем, где точно они располагались, назвать затруднился. Даже на какой из штанин – правой или левой.

Еще более странным вышло с автомобилем «Хонда», из-за которого, по словам гособвинения, свидетель и числится «потерпевшим» по данному уголовному делу. На вопросы защиты гражданин Борисов пояснил, что об автомобиле он до сих пор ничего не знает: ни где находится «злополучный» транспорт, ни какова его дальнейшая судьба – тоже. При этом тон был таков, что эта информация и не интересна... законному «владельцу»!

- Возможно, она в полиции, возможно, числится как вещдок. Я ничего этого не знаю и даже не узнавал.

Примерно то же, индифферентное, отношение продемонстрировал свидетель и в отношении денег, полученных в ломбарде.

Забывчивый ведомый

Адвокат Ирина Юккерс свою работу со свидетелем построила на вопросах, которые касаются межличностных отношений свидетеля Борисова со своим дядей Дюковым. Выяснилось, что долгое время племянник находился в подчиненном положении к своему старшему родственнику. Сначала приживал у него в квартире, потом трудился под его руководством, причем, не редко выполняя весь объем работ «за двоих».

- Вы во всем подчинялись ему? – неожиданно спросила в лоб адвокат.

- Да.

Возможно, этим защита психологически объяснила моменты, когда Борисов беспрекословно, не вдаваясь в лишние детали и подробности, исполнял поручения Дюкова: съездить, сопровождать, принести, сходить. Получается, не исключено, что мог не отказать и в других "просьбах".

Выяснились и другие важные подробности. К ломбарду, на Левый берег и обратно дядя вел автомобиль самостоятельно. По словам «племянша», "в своей обычной манере", без каких-либо причитаний и неудобств.

- Григорий Евгеньевич, а какие купюры Вы пересчитывали в ломбарде, каким достоинством? – опять неожиданно перенеслась в другое время-место адвокат Юккерс. В ответ – тишина. Что могла означать возникшая вдруг очень длительная пауза? На мой взгляд, варианта два: или никакого пересчета купюр не было по-крайней мере с участием Борисова, либо человеку было настолько безразлична и привычна эта ситуация с ломбардом, с проблемным дядей, с его легкими деньгами... В любом случае ответ был получен, окончательный вывод будет делать суд:

- Не помню... Думаю, тысячные... Точно не помню. Вот, скажите, как это "наложить" на прозвучавшие заверения, что "такие деньги редко держал в руках"?!

И опять небольшой психотренинг: защиту интересует, по каким причинам Борисов бросил своего родственника одного в окружении «дюжины незнакомых мужчин спортивного телосложения» и спешно ретировался из автоломбарда, даже не помня на чем – на ногах или маршрутном такси? Из ответа следовало, что о таком поведении ему «просигналил» глазами сам Дюков.

«Мой дядя самых честных правил...»

Дотошная в мелочах адвокат Юккерс продолжала «измываться» над родственными чувствами и памятью свидетеля.

На этот раз была предпринята проверка показаний «потерпевшего» Владимира Дюкова на предмет его «высокодоходного бизнеса по установке сантехники». Странная получается картина, возможность заработка Дюковым в месяц 100 тысяч рублей свидетель Борисов как бы не отрицает, а вот факт не погашения долга со стороны дяди ему в каких-то сто тысяч рублей за период в два с лишним года – обосновать толком не смог:

- Может быть, он Вам в прошлом году долг вернул, или в этом?!

- Нет.

- Может быть, он Вам пообещал его вернуть. В ближайшее или обозримое время?

- Нет.

Вот и думай теперь: то ли Дюков никогда не зарабатывал таких денег (а они у него водились, но, видимо, не по линии сантехники), то ли он «кинул» своего родственника, то ли долг был придуман специально для того, чтобы иметь повод запустить правоохранительный механизм. Ведь, как выяснилось в суде, даже о том, что автомобиль «Хонда» угнан, "владелец" Борисов знает только со слов Дюкова, и узнал он эту информацию уже находясь на Пушкина 138, в «шестом отделе», куда его в очередной раз заманил его реально «пушкинский дядя»...

Судя по всему, в полиции над личностью Борисова довлел уже следователь. По словам свидетеля, он свои показания, оформленные машинописно, просматривал бегло, «так как доверял сотруднику» и веровал, что «в полиции обмануть не могут».

Троекратное «Нет!»

Адвокат Павел Нестеренко профессионально дополнил «свидетельское полотно» яркими мазками:

"- В результате общения с подсудимыми Вам причинено какое-либо физическое воздействие?

- Нет!

- Имущественный вред?

- Нет!

- Моральные страдания?

- Нет!".

Особо защитник остановился на «пятнах крови», которые Борисов увидел на штанах дяди. С большим трудом было установлено, что, по мнению свидетеля, это были три (может, пять) пятнышек величиной с десятикопеечную монету. При этом то, что это именно кровь и именно гражданина Дюкова, является не более чем предположением самого очевидца: никого об этом он не спрашивал, никто ему соответствующей пояснительной информации не давал. Ни тогда, ни после.

Де-... что?!

Адвокат Нестеренко попытался также получить ответ на странность поведения племянника, который, по его же собственным словам, "обратил внимание, что с родственником и вокруг него происходит что-то неладное". Возможности позвонить в полицию, позвать на помощь, привлечь внимание или просто задать прямой вопрос Дюкову «Что происходит?» - у свидетеля Борисова было достаточно, но ни разу он ею не воспользовался.

Более того, самостоятельно покинув место, якобы, ЧП, он спокойно пошел домой и даже не поинтересовался дальнейшей судьбой дяди, автомобиля, денег! Не логично. Или, видимо, мне не одному показалось, что гр. Борисов чего-то явно не договаривает?! Может, как и его родственник просто не может выразить словами, не хватает словарного запаса?!

«- Получается, что это де-факто не Ваш автомобиль...

- Де-... что?!

- Ну, де-факто, фактически, на самом деле это же был автомобиль Дюкова?

- Да».

Шутка явно не удалась

Адвокат Евгений Забуга заверил суд, что лишний раз повторяться в вопросах и в общих на всех сомнениях не намерен.

Защитник в деликатной манере выяснил, что первоначально опознание Зазы Саджая гражданином Борисовым состоялось «по фотографии», которую ему показали оперативники с Пушкина 138. Это свидетель запомнил, а в зале суда «под протокол» и «под Фемиду» озвучил совершенно отчетливо. Видимо, факт очень важен адвокату

Забуге с процессуальной точки зрения. Да и со стороны рядового слушателя возникает вполне закономерный вопрос: Дюков, как он уверяет, ранее видел и знал Саджая, значит, и он и оперативники знали, кто якобы приезжал ко второму потерпевшему Борису. Следовательно, зачем бы им показывать фото, если можно и нужно было сразу выстраивать вереницу лиц для опознания, поместив туда подозреваемого Саджая? Для чистоты и законности процессуальных действий!

Судья Андрей Гужин, как профессионал и экс-прокурор, видимо, не просто обратил внимание на этот явный «косяк» предварительного следствия, но и далее попытался его нивелировать.

"- А как проводилось опознание? Может быть, Вам вывели трех светловолосых мужчин с голубыми глазами и подсудимого?

– Нет.

- Может быть, Вам продемонстрировали одного светловолосого, одного рыжего и подсудимого?

- Нет".

Впрочем, упражнения председательствующего в знании доминирующих национальных признаков вряд ли затмит главного: правовой статус ранее состоявшегося процессуального действия – под большим сомнением, как в дальнейшем и все показания родственника. Слишком уж много «не стыковок», «провалов в памяти» и наоборот – необоснованных «прозрений».

В своей подчеркнуто тактичном стиле адвокат Забуга уточнил у свидетеля и другие важные обстоятельства: никто ни разу ни в чем потерпевшего Дюкова и самого Борисова не принуждал, не угрожал, ни каким-либо образом не воздействовал. Ни словом, ни делом, ни жестом, ни мимикой, ни взглядом.

Писал «под диктовку»

А вот "оппоненты" подсудимых по уголовному делу – полицейские с Пушкина 138 отличились и в этой части.

По словам свидетеля Борисова, собственной инициативы у него на написание заявления не было. Получается, что стражам порядка нужен был официальный повод для того, чтобы начать некие оперативные мероприятия. Не исключено, что и исчезновение автомобиля Дюкова было столь же хорошо спланированным действием. Зная, как сегодня крутятся правоохранительные механизмы, я тоже удивлен: принимать заявление от человека, который реально не пользовался автомобилем, не знает абсолютно ничего об обстоятельствах его пропажи... Отказ! Однозначно, отказной материал.

«За стеклом»

Адвокат Никифоров зашел издалека, выяснив, где жил и трудился свидетель после того, как его пути-дорожки с Дюковым разошлись.

Судья и гособвинитель, видимо, заподозрив очередной подвох, уже сообща стали дружно возражать. Тем не менее из ответа гр. Борисова следовало, что трудоустройство его в ряд предприятий строительно-коммунального профиля практически не оставляло у него свободного времени на общение с родственником.

- Следовательно, он не может утверждать, а его показания не могут восприниматься как правдивые в той части, что Дюков не употреблял наркотики и не занимался их распространением.

И еще один момент зафиксировал адвокат как странный. Оpozнание подозреваемого Зазы Саджая происходило в скрытых условиях – «за стеклом». Об этом в материалах дела вроде бы имеется заявление свидетеля.

- Вы зачем писали это заявление? Вам кто-то угрожал, Вы чего-то опасались? Ведь даже сегодня Вы говорите, что ни к кому не имеет претензий, никто Вас ничем не ущемил. Почему такие меры предосторожности?

Григорий Борисов с подачи адвоката предположил, что, видимо, ему дали подписать некий уже готовый стандартный бланк.

Тушите свет...

Адвокат Марина Жеба спросила о человеческих качествах гражданина Дюкова: может тот обмануть, сказать не правду, не сдержать слово.

- Да, вроде бы, нет, - начал было свидетель, но после уточняющих вопросов вновь поведал, что дядя под занавес их добрых отношений повесил на него всю работу («я выполнял весь объем один»), несправедливо делил выручку («у него постоянно уходили деньги на какие-то свои нужды»).

Под занавес свидетель огорошил всех присутствующих сообщив, что о наркотических пристрастиях своего дяди и его осуждении в места не столь отдаленные он «узнал сегодня в зале суда». Видимо, выражу общее мнение на сей счет: как можно верить таким свидетелям, если еще в начале года гражданин приглашался в суд для дачи показаний и прекрасно был осведомлен о судьбе своего родственника и зачем его приглашают в судебное заседание. Да что уж там: на прошлом судебном заседании Григорий Борисов был и сидел прямо за спиной своего родича. Может, он не видел наручники на руках Дюкова, не видел конвой, тюремную робу?! Так, может, вообще,

Ничего и не было...

Следствие и прокуратура «придумали» потерпевшего в громком уголовном деле?!

Автор: Administrator
22.07.2015 20:15

Александр Грасс